DOI: 10.17976/jpps/2016.02.02

СОВРЕМЕННОЕ РОССИЙСКОЕ ПОЛИТОЛОГИЧЕСКОЕ СООБЩЕСТВО – ПЕРВЫЕ ШАГИ К АНАЛИЗУ

М.Е. Карягин, А.Ю. Сунгуров

КАРЯГИН Михаил Евгеньевич, аспирант департамента прикладной политологии НИУ ВШЭ – СПб, Санкт-Петербург; СУНГУРОВ Александр Юрьевич, доктор политических наук, профессор, руководитель департамента прикладной политологии НИУ ВШЭ – СПб, Санкт-Петербург. Для связи с авторами: asungurov@mail.ru

Статья поступила в редакцию: 16.12.2015. Принята к печати: 11.01.2016

Аннотация. В статье анализируются история и специфика становления отечественного политологического сообщества. Кроме основных исторических вех, рассмотрены разные версии возникновения отечественного сообщества политологов, а также феномен сообщества как таковой. В исследовании использованы разнообразные методы и источники: контент-анализ информационных ресурсов и документов профессиональных организаций политологов РФ, анкетирование и интервьюирование экспертов-политологов и государственных служащих. Применение этих методов позволило не только охарактеризовать политологическое сообщество, описав его особенности, но также выявить существующие проблемы развития, рассмотреть динамику развития и функционирования региональных политических школ, а также рассмотреть роль политологического сообщества как сообщества экспертов в процессе принятия политических и государственных решений. Широкий круг экспертов, принявших участие в интервьюировании, позволил описать ситуацию с разных сторон и показать картину как с позиции политологов, так и со стороны лиц, принимающих решения на высшем государственном уровне. В заключении статьи формируются концептуальные выводы, которые могут быть использованы профессиональными организациями отечественного сообщества политологов для повышения эффективности своей деятельности, развития региональных политических школ в Российской Федерации, а также выстраивания конструктивного диалога между властью и экспертными сообществами для улучшения качества принимаемых решений, вовлеченности представителей академического сообщества политологов в поле изучаемого объекта. Авторы надеются, что настоящая статья станет существенным вкладом в дискуссию о роли профессионального сообщества российских политологов.

Ключевые слова: политическая наука; политологическое сообщество; экспертное сообщество; Россия.

Развитие политической науки в России тесно связано со становлением самого политологического сообщества, в котором, в первом приближении, могут быть выделены его академическая и экспертная составляющие. Именно развитие этого сообщества и станет предметом рассмотрения в настоящей работе. Эта тема уже нашла свое частичное отражение, в частности, в диссертационном исследовании Д.М. Воробьева, основные материалы которого были опубликованы в журнале “Полис. Политические исследования” [Воробьев 2004а, 2004б], однако многие вопросы еще остаются неясными.

Прежде всего они связаны со структурированием этого сообщества, с соотношением его академической и экспертной составляющих и их взаимодействием между собой. Во-вторых, это организационное оформление профессионального сообщества в рамках профессиональной ассоциации. Наряду с Российской ас-

социацией политической науки (РАПН), ведущей свой отсчет от 1955 г., с недавнего времени действует и Российское общество политологов с разветвленной системой региональных отделений. Является ли этот факт отражением личных амбиций, либо он связан с какими-то свойствами самого сообщества, вызывающими его дифференциацию не только по вектору "наука-практика"? Как сказывается изменение политического режима на политологическом сообществе и развитии политической науки? Наконец, каково мнение самих политологов по этим и иным актуальным вопросам развития политической науки в России?

Поиску ответа на эти вопросы и посвящена настоящая статья. Отметим, прежде всего, что, хотя и ранее проводились исследования о формах реализации экспертной функции политической науки [Малинова 2006: 42-54], все же интерес к политологическому сообществу как к объекту анализа актуализировался именно в последние годы. Примером может являться дискуссия "О профессионализме в политике и в политической науке", которая состоялась в первой половине 2013 г. на веб-сайте РАПН, а также недавний выпуск журнала "Политическая наука" на тему "Социальные и политические функции академических и экспертных сообществ" [Политическая наука 2015], в ряде статей которого затрагиваются проблемы развития политологического сообщества в советское время [Сморгунов 2015: 53-70, 125-137], специфика экспертных сообществ в области политической науки [Макарычев 2015: 9-26; Кулик 2015: 71-90]. Наконец, история развития политологии "де-факто" в советское время достаточно подробно рассмотрена в опубликованной к VII Всероссийскому политологическому конгрессу коллективной монографии [История... 2015: 360].

В рамках настоящей работы анализировались материалы официального веб-сайта Российской ассоциации политической науки (www.rapn.ru), было проведено девять полуструктурированных интервью с представителями академического и экспертного сообществ политологов, включая представителей Санкт-Петербурга, Москвы и еще двух российских регионов, а также выполнено анкетирование участников двух политологических научных встреч. Первым состоялось анкетирование делегатов Отчетно-выборной конференции РАПН, прошедшей в рамках Всероссийской научной конференции "Власть, бизнес, гражданское общество в условиях модернизации России: институты, стратегии и практики политического сотрудничества" 22 ноября 2013 г., на которой присутствовали представители большинства субъектов РФ, преимущественно председатели региональных отделений РАПН. Всего собрано и обработано 36 анкет, т.е. получена информация примерно от половины участников конференции. Затем было проведено анкетирование участников XV Всероссийского научного семинара "Современная политическая реальность и государство: сложные методы исследования", проходившего в Краснодаре 10-12 октября 2014 г., на который приехали ученые-политологи из разных регионов России; было собрано и обработано 22 анкеты, что составило более половины от числа всех участников семинара.

Необходимо отметить, что сам феномен политологического сообщества в России может быть описан в широком и узком смыслах. В узком смысле под политологическим сообществом мы понимаем определенную организацию (или совокупность организаций). С одной стороны, это упрощает нашу задачу, однако отсекает другие элементы, которые не менее важны в жизни сообщества. В широком смысле феномен политологического сообщества

необходимо воспринимать во всем его многообразии институциональных и неинституциональных проявлений (тогда к политологическому сообществу следует относить, и политтехнологов и политических экспертов).

Мы сконцентрируем свое внимание именно на "академическом" политологическом сообществе, с фокусом на его институциональное оформление или сознательное избегание такового. При этом под термином "академическое" сообщество мы будем понимать политологов, для которых исследования или преподавание являются основой их профессиональной самоидентификации.

Отдельно следует остановиться на вопросе о предмете занятия российских политологов – российской политической науке, о том, с какого времени она существует в России. В целом можно выделить три подхода к определению понятия "отечественная политическая наука": первая группа исследователей предлагает вести отсчет отечественной политической науки "с конца XVII – начала XIX вв., когда в некоторых университетах (в частности, в Московском и Харьковском), а также в Царскосельском лицее существовали отделения нравственно-политических наук, защищались магистерские диссертации по данной проблематике, были ставки профессоров соответствующего профиля. Так, уже при учреждении Московского университета в 1755 г. там предусматривалась должность профессора политики" [Сморгунов 2015: 6].

Вторая группа исследователей считает, что отечественная политология берет свое начало с 1955 г., когда "секция экономических, философских и правовых наук Всесоюзного общества культурной связи с заграницей (ВОКС) приняла участие в III Всемирном конгрессе (Стокгольм, 1955, 275 участников) Международной ассоциации политических наук (МАПН). Тогда организация получила статус коллективного члена МАПН"[1]. Наконец, третья точка зрения базируется на том, что отсчет отечественной политической науки необходимо вести с 1980-1990 годов, когда "политология получила 'права гражданства' в России в качестве научной и учебной дисциплины" [Гельман 2005: 21].

Не вступая в дискуссию о предметах, которые в XVIII-XIX вв. в России назывались политологией [Шутов и др. 2009], отметим, что годы революции и затем годы сталинского террора пресекли реальные связи между дореволюционным сообществом политологов и современными российскими политологами, и говорить о какой-либо преемственности сообществ не приходится. Иная ситуация с советской "политологией де-факто", здесь существует определенная преемственность, символом которой стал член-корр. АН СССР Г.Х. Шахназаров, помощник М.С. Горбачёва – генсека, советник М.С. Горбачёва – президента, председатель Советской ассоциации политических наук в 1973-1990 гг., а затем первый президент РАПН. Во многом Советская ассоциация политических (государствоведческих) наук (как она вначале называлась) была создана для того, чтобы советские представители могли участвовать в работе учрежденной в 1949 г. при поддержке ЮНЕСКО Международной ассоциации политической науки и как-то влиять на ее деятельность в нужном для партийного руководства страны направлении. Но, с другой стороны, будучи созданной, это ассоциация проводила научные семинары и обсуждения, все больше ученых-обществоведов знали о ее существовании.

Вопросы, связанные с политическим устройством и политическими процессами в других странах, изучались не только в Институте государства и пра-

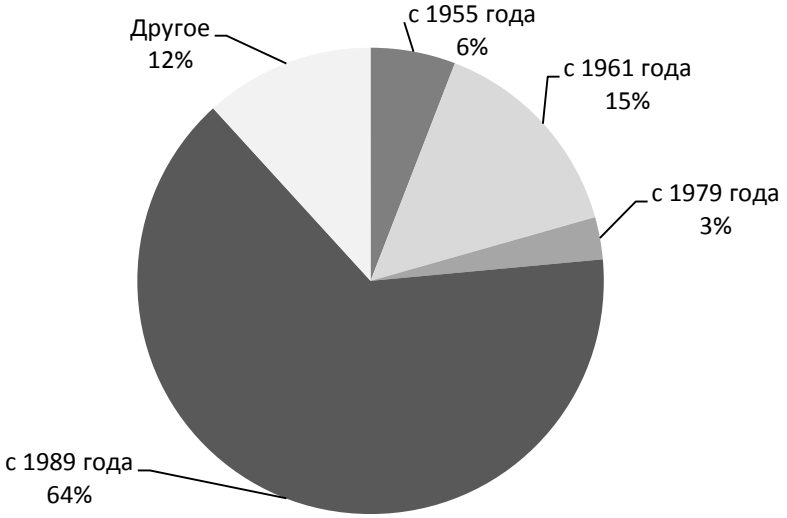
[1] Ресурсы политолога. – *Российская ассоциация политической науки. Официальный сайт*. Доступ: http://www.rapn.ru/index.php?grup=1614 (проверено 01.02.2016].

ва РАН, на базе которого была создана САПН, но в институтах АН СССР международной тематики – институте Латинской Америки, Институте США и Канады, Институте Европы, Институте международного рабочего движения, правда, соответствующие диссертации защищались не по политической науке, которой официально в СССР не было, а по истории. Вопросы внутренней политики решались в соответствующих отделах ЦК КПСС. Но сами партийные чиновники должны были где-то учиться, повышать свою квалификацию. Для этого в стране была создана разветвленная сеть Высших партийных школ, методическое руководство которыми осуществляла Академия общественных наук при ЦК КПСС. И в среде преподавателей этой академии, конечно, обсуждались реальные проблемы "развитого социализма", как рассказывал об этом бывший проректор по научной работе Академии, а ныне известный российский политолог Ю.А. Красин. Эксперты-политологи были востребованы и в еще одном институте аппарата ЦК, имевшем реальную власть – в Международном отделе ЦК КПСС. Именно там работал консультантом, а затем зам. зав. отделом Г.Х. Шахназаров. Среди других консультантов отделов ЦК, которые фактически были первыми советскими политологами-экспертами, можно назвать Г.А. Арбатова, А.Е. Бовина, Ф.М. Бурлацкого и других.

Все это дает основание рассматривать в качестве истоков развития современной отечественной политической науки именно советский период. Тем не менее, когда в ноябре 2013 г. участникам отчетно-выборной конференции РАПН был задан вопрос "С какого периода, по Вашему мнению, можно говорить о возникновении современной российской политической науки?", мы получили следующие ответы, распределение которых по вариантам представлено на рис. 1.

Рисунок 1 (Picture 1)

С какого периода, по Вашему мнению, можно говорить о возникновении современной российской политической науки?
In Your Opinion, Since When Is It Possible to Trace the Emergence of Modern Russian Political Science?

Почти две трети респондентов выбрали третий вариант – 1989 г. – когда политология получила права "гражданства" и как научная дисциплина, и как специальность, по которой ведется обучение в российских университетах. Такие ответы отражают, на наш взгляд, как недостаток информации о советском периоде развития политической науки (этот недостаток был частично исправлен в процессе подготовки к VII Конгрессу политологов 20-22 ноября 2014 г.; [см. напр. История... 2015]), так и наличие двух больших подгрупп внутри сообщества российских политологов, объединенного в РАПН. Это, в первую очередь, преподаватели региональных университетских центров, для которых основным видом занятий является именно преподавание политологии и иных востребованных дисциплин, а собственно исследования занимают существенно меньшую долю времени или отсутствуют вовсе. Во-вторых, это сотрудники академических институтов, расположенных преимущественно в российских столицах, большинство из которых совмещают эту деятельность с преподаванием, а также преподаватели столичных вузов, параллельно ведущие исследования либо в институтах РАН, либо в своих университетах.

Можно предположить, что именно преобладание первой группы среди респондентов нашей анкеты и обусловило представленные на рис. 1 результаты. Действительно, именно 1989-1990 годы, когда во всех российских университетах было прекращено преподавание научного коммунизма и начато преподавание политологии, являются для них той значимой точкой, откуда ведется начало современной российской политологии. В качестве примера, подтверждающего эту позицию, приведем ответ профессора политологии на вопрос "Сама политология в России, по Вашему мнению, на каком этапе развития сейчас находится?" – *"Вопрос для меня один из основных. С 1989-го года, когда появилась возможность, когда было разрешено преподавать политологию, я стал преподавателем, поэтому за 20 лет можно проследить развитие, посмотреть, что произошло"* (Интервью с *А*, профессор, член РАПН, 11.03.2015).

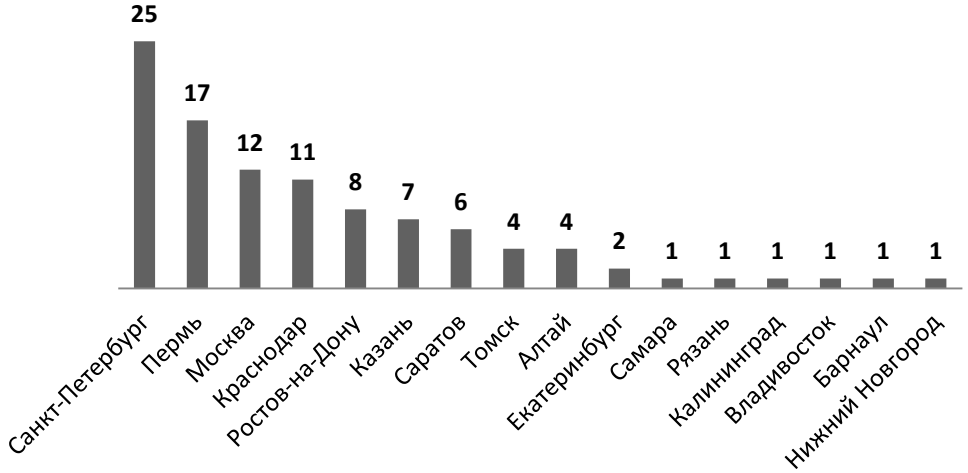
Как же происходит развитие политической науки и политологического сообщества в российских регионах по мнению самих российских политологов? На рис. 2 представлены результаты анкетирования участников отчетно-выборной конференции РАПН в ноябре 2013 г.

Всего лишь третье место для московских политологов связано, на наш взгляд с тем, что они рассматривались частью респондентов как представители не региональной, а национальной, общероссийской научной школы, и поэтому в ответы анкеты не включались. Как видно из рис. 2, наиболее значимой нестоличной региональной политологической школой респонденты считают пермскую школу, что достаточно объективно отражает, на наш взгляд, реальные успехи пермского политологического сообщества. Близко к ней находится и краснодарская школа политической науки. Эти два случая отражают успехи в развитии политологии в последние 10-15 лет. Далее идут школы Ростова-на-Дону и Казани, где еще в советское время были созданы региональные отделения Советской ассоциации политической науки. На рис. 2 показаны и другие отмеченные респондентами политологические школы, из которых выделим более укорененную Томскую и интенсивно развивающуюся в последнее время Алтайскую (подробнее о деятельности ряда наиболее интересных политологических школ см. [Сунгуров 2015б]). В большинстве из этих регионов наряду с классическими университетами действуют и институты РАН, есть и другие университеты, а также филиалы Российской академии государственной службы и народного хозяйства.

Рисунок 2 (Picture 2)

Ответы участников отчетно-выборной конференции РАПН, ноябрь 2013 г. на вопрос: "Перечислите наиболее влиятельные, по Вашему мнению, региональные политологические школы в России"

Answers of Participants of RPSA Election Conference (November 2013) to the Question: "List the Most in Fluential, in Your Opinion, Russian Regional Political Science Schools"

Наряду с разделением на "академическое" и "университетское" политологические сообщества, а также на его региональные сегменты, для анализа сообщества российских политологов целесообразно использовать и классификацию групп внутри профессионального сообщества социологов, предложенную М. Соколовым: "Одним из первых результатов исследования было выделение в сообществе петербургских социологов трех основных сегментов, или 'естественных зон', в значительной степени изолированных друг от друга. Мы назвали их – в стиле традиции, к которой чувствовали себя принадлежащими – Вест-сайдом, Ист-сайдом и 'Переходной зоной'"[2].

В центре каждой из зон находилась одна или несколько организаций, проводивших собственные мероприятия и издававших собственные журналы и книжные серии". Вест-сайд состоит из хорошо знающих английский язык (и пишущих на нем статьи) исследователей, активно использующих гранты различного происхождения, более ориентированных на исследовательскую, чем на преподавательскую работу и равняющихся в основном на своих зарубежных коллег. Яркими представителями социологического Вест-сайда в Санкт-Петербурге, по мнению М. Соколова, являются Европейский университет и Центр независимых социологических исследований. Ист-Сайд, наоборот, сосредоточен на работе со студентами, теснее связан с государственным финансированием, больше публикуется в российских журналах и считает российский опыт социологии не менее важным, чем зарубежный. В Санкт-Петербурге это – социологический факультет СПбГУ. Наконец, "Переходная зона", которую, на наш взгляд, было бы правильнее назвать Центром, представлена в Санкт-Петербурге, по мнению М. Соколова, филиалом Высшей школы экономики.

[2] Соколов М.М. 2015. *Изучаем локальные академические сообщества*. Доступ: http://ecsocman.hse.ru/data/2012/09/29/1251348540/Sokolov.pdf (проверено 19.07.2015).

Аналогичная сегментация прослеживается и в структуре всего политологического сообщества (пусть и не так четко по организациям, как это описал М. Соколов в своей работе). Соответственно, каждой из "зон" присуща особая идентичность, объединяющая членов этой зоны. В России первые двадцать лет развития политической науки РАПН ставили в пример социологам, которые разбились на четыре или пять профессиональных ассоциаций. Затем, после создания факультетов политологии в МГУ и СПбГУ, их деканы (доктора исторических и экономических наук) выступили с инициативой создания новой профессиональной ассоциации – Российского общества политологов, которая, как предполагалось, могла бы стать "зонтичной организацией" для всех политологов России и объединить "небольшие ассоциации, как РАПН и иные". Приведем здесь фрагменты из интервью с четырьмя респондентами, профессорами университетов, которые так ответили на вопрос о создании РОП (отметим, что четвертый респондент – председатель региональной организации РОП):

– *"Проблема в том, что в некоторых случаях руководителей региональных отделений ставят перед выбором. Вторая проблема – это открытость информации о двух организациях. На сайте РАПН вы можете узнать о готовящихся мероприятиях и подать заявку. В декабре прошла конференция РОП, информация в открытом доступе отсутствовала, приглашали личными письмами тех, кого считали нужным. Могу сказать, что стиль работы отличается радикально"* (Интервью с *Б*, профессор, член РАПН, 12.02.2015).

– *"В первую очередь – это амбиции. Определенные люди не смогли занять позиции внутри РАПН, которые бы их удовлетворяли... но кроме этого были подняты еще вопросы методолого-теоретического уровня... Основная задача РОП – пропагандистская"* (Интервью с *В*, профессор, член РАПН, 23.03.2015).

– *"Во-первых, вызывает вопросы само время возникновения РОП. Меня смущает сам исток и генезис, не все мне тут ясно и понятно. Во многом – это наше же сообщество, те же кафедры, в один советах мы состоим, и это хорошо, но у меня складывается субъективное ощущение, что РОП есть следствие некоего сюжета в системе государственного управления"* (Интервью с *А*, профессор, член РАПН, 11.03.2015).

– *"Если создается РОП, то очевидно, власть заинтересована в 'правильных' советах политологического сообщества... РОП – это, в определенном смысле, искусственный проект. Там есть не только идеологи, но и ученые, поэтому вероятность конфликта есть. Однако скорее всего исследователи останутся в РАПН"* (Интервью с *Г*, профессор, председатель РО РОП, 23.11.2014).

Судя по составу РОП, представленному на сайте этой организации, в нее входят преимущественно преподаватели российских вузов, многие из которых остаются одновременно и в РАПН. То есть можно считать, что основная часть политологов Ист-сайда постепенно концентрируется в Российском обществе политологов, РАПН же объединяет как представителей Центра, так и Ист-сайда. Те же политологи, которых можно отнести к Вест-сайду, сейчас не входят ни в одну из российских ассоциаций политологов. Вот как описал эту ситуацию один из выпускников Европейского университета в СПб: "*Приезжаешь на конференцию РАПН и видишь, что эти люди есть: они друг друга знают, они друг друга любят, они общаются друг с другом, они разговаривают на одном языке, у них есть общие дискуссии. У меня с этим сообществом не очень хорошие отношения, мне всегда тяжело находиться в этом кругу. Речь идет не об отдельных людях, все они прекрасные, но вот когда они собираются в одном месте, становится неуютно... мои коллеги – выпускники Европейского*

университета, поэтому они все не хотят вступать в РАПН, у них своя сфера, это другая политология. Мы все немного снобы, нам кажется, что нас так сильно били в Европейском, что теперь мы лучше остальных" (Интервью с *Д*, доцент, выпускник ЕУ в СПб, 24.03.2015). Отметим, что подобный "снобизм" не мешает нашим коллегам из ЕУ в СПб представлять свои публикации на конкурс научных работ РАПН и даже получать на нем призовые места.

Итак, можно сказать, что политологическое сообщество в России становится более структурированным и дифференцированным, отражая позиционирование себя по отношению как к мировой политической науке, так и по отношению к власти. Действительно, специфика политической науки заключается в том, что она не может абстрагироваться от власти, так как именно власть и отношения вокруг нее являются основным объектом исследования. С другой стороны, практическое использование результатов таких исследований зависит, в условиях моноцентричного политического режима, прежде всего от тех же самых властных структур. Поэтому такую значимую роль для политологического сообщества играет реализация экспертной функции политической науки [Сунгуров 2015в].

Именно проблемы экспертного участия российских политологов стали предметом второго экспертного опроса, который был проведен в октябре 2014 г. среди участников проходившего в Краснодаре XV Всероссийского научного семинара "Современная политическая реальность и государство: сложные методы исследования". Эти результаты представлены в таблице.

Таблица (Table)

Результаты анкетирования участников семинара РАПН в октябре 2014 г. (в % от общего числа участников семинара, сдавших анкеты – 22 чел.)

Results of the Poll of Participants of the RPSA Seminar, October 2015 (Percent of the General Number of Seminar Participants who Submitted Questionnaires – 22 People)

Вопрос	1	2	3	4	5
Должно ли профессиональное сообщество политологов РФ влиять на процесс принятия политических или государственных решений?	0	0	9	46	45
Возможно ли совмещение профессиональных ролей, смежных с политологией (ученый – политик, ученый – политтехнолог и т.д.)?	5	9	36	41	9
Заинтересована ли действующая власть в участии экспертов-политологов в процессе принятия политических решений?	27	37	18	18	0
Влияет ли профессиональное сообщество политологов РФ на процесс принятия политических или государственных решений?	18	36	37	9	0

Примечание. 1 – Нет, 2 – Скорее нет, 3 – Сложно сказать, 4 – Скорее да, 5 – Да.

Как следует из представленных в таблице данных, около 90% участников семинара, сдавших анкеты, считают, что профессиональное сообщество политологов РФ должно влиять на процесс принятия политических или государственных решений, при этом около половины всех респондентов считают возможным совмещение таких профессиональных ролей, как ученый-политик или ученый-политтехнолог. В то же время реальную ситуацию с возможностью влияния на решения власти участники семинара рассматривают достаточно пессимистично – почти две трети из них (64%) считают, что власть "не заинтересована" или "скорее не заинтересована" в участии экспертов-политологов в процессе

принятия политических решений, против 18% считающих, что "скорее заинтересована". Примерно так же оценивают участники анкетирования реальную ситуацию с влиянием политологического сообщества на обсуждаемый процесс, но в этом случае почти вдвое выше процент "не определившихся".

В то же время анализ содержания ежегодных отчетов региональных организаций РАПН, представленных на веб-странице этой организации (www.rapn.ru), показывает, что раздел "Экспертная деятельность" присутствует примерно в 60% от всех полученных отчетов (2012 г. – 65%, 2013 г. – 54%, 2014 г. – 52%, 2015 г. – 62%), т.е. экспертная деятельность имеет место существенно более чем в половине региональных организаций. Что же понимается в этих отчетах под экспертной деятельностью?

Прежде всего, это различные коммуникационные площадки, типа экспертных семинаров или экспертных клубов. Как правило, такие клубы или семинары проводятся на базе соответствующих вузов, однако в ряде регионов экспертные клубы работают под эгидой главы администрации области (Воронежская область). Имеется также опыт, когда семинар региональной организации РАПН проходил с участием губернатора области (Владимирская область). В самое последнее время на Северном Кавказе, по-видимому, по инициативе Постоянного полномочного представителя Президента РФ в СКФО, был создан Центр современной кавказской политики (ЦСКП "Кавказ"), в рамках деятельности которого созданы экспертные клубы в большинстве северокавказских республик, при этом в ряде случаев их председателями стали руководители или активные члены региональных организаций РАПН [Сунгуров 2015а]. Такие коммуникационные площадки содействуют установлению атмосферы доверия представителей власти и академического сообщества, что является условием приглашения ученых к разработке конкретных нормативных или распорядительных актов.

Наряду с коммуникативными площадками в регионах накоплен определенный опыт участия экспертов-политологов в разработке нормативных документов – проектов Уставов областей и краев, проектов региональных и федеральных законов, а также концепций и планов стратегического развития субъектов федерации и их столичных городов. В этих случаях участники рабочих групп видят конкретные результаты своей деятельности.

Одновременно эксперты-политологи стали участвовать в экспертизе уже подготовленных законопроектов. В последнее время политологов стали привлекать в качестве специалистов-экспертов и к судебной экспертизе как по вопросам наличия экстремизма в каких-либо текстах, так и по поводу наличия фактов осуществления политической деятельности некоммерческими организациями, получавшими иностранное финансирование ("иностранных агентов"). В последнем случае запросы на экспертизу могут поступать как со стороны государственных структур (отмечено в интервью с *Б*), так и со стороны самих НКО[3]. Существуют также виды экспертной деятельности, которые, как правило, носят закрытый, непубличный характер. К ним относятся докладные записки (Интервью с *Е*, директор исследовательского центра, бывший сотрудник администрации Президента РФ, 17.04.2015), а также аналитические материалы, собираемые при помощи личных контактов (Интервью с *Ж*, преподаватель университета, 17.04.2015).

[3] Об опыте участия одного из авторов этого текста в подобной экспертизе – см. Репринцева Ю. *Исторический процесс: в Воронеже предлагают договориться, что такое "политическая деятельность"*. 16.11.2015. Доступ: http://bloknot-voronezh.ru/news/ istoricheskiy-protsess-v-voronezhe-predlagayut-dog-661340 (проверено 01.02.2016).

Заказы на экспертные услуги политологов могут возникать и в период проведения выборов – как со стороны власти, так и со стороны более или менее оппозиционных партий. "*С возникновением института свободных выборов в Российской Федерации эксперты-политологи (не только прикладники) стали активно привлекаться к работе по данному направлению (политические решения)*" (Интервью с *А*).

Наконец, в качестве примера экспертной деятельности в отчетах многих регионах организаций РАПН указывается деятельность в общественных палатах регионального или городского уровня, а также общественных и общественно-экспертных советах при органах власти различного уровня. Отметим, участие в работе таких советов хотя и приносит ученым определенный символический капитал, в большинстве случаев не более результативно, чем участие в различного рода экспертных клубах и семинарах. *"Мне кажется, что эти функции (включение экспертов в процесс принятия решений) отчасти выполняются в общественных советах при органах власти, однако их функции достаточно узкие, они выполняют роль скорее представительскую, чем практическую"* (Интервью с *В*).

Соотношение этих видов экспертной деятельности за последние двадцать пять лет определенным образом менялось: *"Начиная с 90-х годов здесь было несколько волн и все было очень по-разному. В 90-е годы я наблюдал, что власть не очень понимает, насколько может пользоваться рычагами управления, и это был тот период, когда эксперты, которым сейчас 60 лет, постоянно привлекались для оказания консультации (их спрашивали, советовались, консультировались). В 2000-е годы ситуация меняется, и здесь экспертов скорее приглашают для оценки государственных проектов и включают во всевозможные консультационные советы при органах власти. По моим наблюдениям, консультации такого рода оказываются достаточно качественными, так как приглашаются настоящие специалисты в различных сферах. Что же касается будущего, по моим наблюдениям, будет востребован узкий сегмент политологов, будут точечно выбирать тех, кто будет выполнять обслуживающие функции. Массового привлечения не будет, не то время"* (Интервью с *Б*).

Это мнение поддерживает и другой респондент – университетский профессор: "*После принятия конституции 93-го года начался большой этап реформирования всей системы органов управления. Мне и моим коллегам довелось участвовать в таких направлениях, как составление уставных документов на уровне Санкт-Петербурга и разработка аналитических материалов для принятия фундаментальных законов... Рубеж 2000-х годов, когда начал формироваться новый политический дизайн, выстраиваться 'вертикаль власти', окончил золотую пору интереса к экспертной работе. Сейчас, по моему мнению, сама востребованность к политическому знанию значительно ниже, чем прежде. Это связано не с качеством политологического знания, а с изменением нашего предмета"* (Интервью с *А*). Еще один респондент, подтверждая тезис о большей востребованности экспертного знания в 90-е годы, делает акцент и на проблеме соответствия экспертного предложения политологов и актуальных проблем власти: *"В 90-е годы продолжался процесс конструирования власти, поэтому политологи активно привлекались в качестве экспертов (выборы, разделение властей). А сейчас это становление стабилизировалась, радикальных реформ не предвидится, поэтому и политологи здесь не нужны. Дело в том, что политологи не считают своим предметом ГМУ и публичную политику. То есть проблема не только и не столько в самой власти, сколько в самих политологах. Нет хороших работ, которые бы разбирали проблемы политики как policy"* (Интервью с *В*).

Этот тезис подтверждают слова другого респондента, который ранее был именно тем представителем власти, который нуждался в экспертных советах

политологов: "*Большинство тех людей, которые называют себя политологами, во время моей работы в Администрации приносили результаты, которые использовать было просто невозможно. Они приносили материалы, которые не проработаны ни с точки зрения языка, ни с практической точки зрения. Когда тебе приносят какой-то сырой массив, из которого невозможно сформировать записку на 2 страницы, то от него ты отказываешься, так как это неэффективно с точки зрения ресурсных затрат... Политические исследования в России оказались без своего языка. Они страдают либо излишними литературными изысками, либо же излишней бедностью слова. Нам, возможно, необходимо включить в программу образования специальный курс, который бы обучал политологов языку, обучал их тому, как необходимо писать работы, потому что сегодня политические исследования в России – это либо огромные конструкции с большим объемом сложноподчиненных предложений, в которых уже сам автор теряет свою мысль, либо это что-то такое, что читать сложно, так как теряются важные факторы. Здесь важно сказать о логике исследования, которая сильно страдает"* (Интервью с *Е*).

Отметим, что и этот респондент, наряду с акцентом на проблемы самого политологического сообщества, хорошо видит и проблемы самой российской власти: "*В процессе принятия решений политологи участия не принимают*, *политологи принимают участие в процессе объяснения, как правильно принято то или иное решение*. *В существующей системе политологи не нужны*".

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенный анализ и представленные результаты позволяют заключить, что политологическое сообщество в современной России в целом сформировалось. Оно достаточно неоднородно как по соотношению образовательная / исследовательская деятельность, так и по его пространственному распределению (в основном две российские столицы, далее несколько относительно крупных политологических центров и затем – кафедры университетов. Выделение в последние годы его относительно "почвеннической" и ориентирующейся более на обслуживание задач государства части, которая организационно оформляется в Российское общество политологов (РОП), также свидетельствует о развитии и дифференциации сообщества. Вместе с тем характерно, что многие региональные политологи входят и в РОП, и в РАПН.

Одновременно с преподавательской (у большинства) и исследовательской (у части) деятельностью российских политологов определенную долю их профессиональной жизни занимает и экспертная деятельность. В это понятие сегодня вкладываются самые различные формы активности, существенную долю в которых занимают преимущественно коммуникативные формы – экспертные семинары, круглые столы и клубы. Собственно профессиональная экспертиза по запросу / заказу власти занимает в последнее время существенно меньшую долю, что связано скорее всего с все большей степенью моноцентричности политического режима. Исследование показало также, что хотя политологи, имевшие реальный опыт сотрудничества с властными структурами, указывают на преимущественно инструментальные цели их привлечения (власть действительно нуждалась и иногда продолжает нуждаться в их советах), тем не менее, среди их более молодых коллег господствует, как показали представленные в таблице результаты, существенно более скептическое отношение к целям привлечения властью экспертов-политологов. Вместе с тем, препятствием к конструктивному сотрудничеству политологов и власти является и неготовность большинства академических ученых соответствовать практическим запросам на экспертные советы лиц, принимающих решения.

Мы надеемся, что представленные здесь результаты и предварительные выводы станут предметом обсуждения внутри нашего сообщества, что послужит его дальнейшему конструктивному развитию.

Воробьев Д.М. 2004а. Политология в СССР: формирование и развитие научного сообщества. – *Полис. Политические исследования*. № 4. С. 169-178.

Воробьев Д.М. 2004б. Развитие политологического сообщества в постсоветской России. – *Полис. Политические исследования*. № 6. С. 151-161.

Гельман В.Я. 2005. Выступление в рамках Виртуального круглого стола "Мы в мире – мир в нас": 50 лет интеграции отечественной политологии в мировую политическую науку. – *Полис. Политические исследования*. № 6. С. 21-23.

История Российской ассоциации политической науки. Под ред. С.В. Патрушева, Л.Е. Филипповой. 2015. М.: Аспект Пресс. 360 с.

Кулик А.Н. 2015. Между властью и обществом: к вопросу о роли публичных интеллектуалов в установлении повестки дня в современной России. – *Политическая наука*. № 3. С. 71-90.

Макарычев А.С. 2015. Государства, экспертные сообщества и режимы знания-власти. – *Политическая наука*. № 3. С. 9-26.

Малинова О.Ю. 2006. Об опыте взаимодействия профессионального сообщества политологов с властью и гражданскими организациями. – *Публичная политика – 2006*. Сб. ст. Под ред. А.Ю. Сунгурова. СПб: Норма. С. 42-54.

Сморгунов Л.Г. 2015. Региональные политологические сообщества в советское время. – *Политическая наука*. № 3. С. 125-137.

Сунгуров А.Ю. 2015а. Экспертное сообщество и власть: опыт Северного Кавказа. – *Российский Кавказ: проблемы, поиски, решения*. Под общ. ред. Р.Г. Абдулатипова, А.-Н.З. Дибирова. М.: Аспект Пресс. С. 141-147.

Сунгуров А.Ю. 2015б. Региональные организации РАПН. – *История Российской ассоциации политической науки*. М.: Аспект Пресс. С. 170-184.

Сунгуров А.Ю. 2015в. Экспертные сообщества и власть: Модели взаимодействия, основные функции и условия их реализации. – *Политическая наука*. № 3. С. 53-70.

Сунгуров А.Ю. 2015г. *Как возникают политические инновации: "фабрики мысли" и другие институты-медиаторы*. М.: Политическая энциклопедия. 384 с.

Шутов А.Ю., Миронова Д., Феофанов А.М. и др. 2009. *Очерки истории политической науки в Московском университете (1755-1835)*. Под ред. А.Ю. Шутова. М.: Изд-во МГУ. 288 с.

DOI: 10.17976/jpps/2016.02.02

CONTEMPORARY RUSSIAN POLITICAL SCIENCE COMMUNITY – THE FIRST STEPS TO THE ANALYSIS

M.E. Koryagin[1], A.Yu. Sungurov[2]

[1]National Research University Higher School of Economics Campus in St. Petersburg. St. Petersburg, Russia

[2]National Research University Higher School of Economics Campus in St. Petersburg. St. Petersburg, Russia

KORYAGIN Mikhail Evgenevich, doctoral student, Department of Political Science, NRU HSE Campus in St. Petersburg; SUNGUROV Aleksandr Yurevich, Dr. Sci. (Pol. Sci.), Professor, Head, Department of Political Science, NRU HSE Campus in St. Petersburg. Email: asungurov@mail.ru

Received: 16.12.2015. Accepted: 11.01.2016

Abstract. In the article the history and features of the Russian political science community's formation are analyzed. Apart from the milestones, the authors consider the main versions of the community's emergence, as well as the phenomenon of community itself. In the course of the research the authors used various methods and sources: content analysis of information resources and documents of the professional organizations of

political scientists of the Russian Federation, surveys and interviews of experts-political scientists and public servants. All this allowed not only to characterize the political science community by its features description, but also to reveal the existing development problems, considering regional political science schools' development and functioning dynamics, as well as the role of political science community as an expert community in the state policy-making. The wide range of experts having taken part in surveys helped to describe the situation from various sides and to show a picture both from political scientists' position and from high-ranked decision-makers' viewpoint. In the conclusion of the article authors form conceptual conclusions which can be used by the professional organizations of the Russian community of political scientists to increase efficiency of their activity, develop regional political schools in the Russian Federation, and also produce constructive dialogue between the authorities and expert communities to improve quality of the decisions made and provide academia's involvement in the research field. Authors emphasize that the present article is not exhaustive, and express their hope that other researchers will join the discussion on the role of political scientists' professional community, which will considerably increase the quality of the research.

Keywords: political science; community of political scientists; Soviet and Russian experience; expert community.

References

Gelman V.Ya. Speech at the Virtual Round Table "We in the World – the World in Us": 50 Years of the Integration of Our Country's Political Science into the World One (Virtual Round Table). – *Polis. Political Studies*. 2005. No. 6. P. 21-23. (In Russ.)

Istoriya Rossijskoj associacii politicheskoj nauki. Pod red. S.V. Patrusheva, L.E. Filippovoj [History of the Russian Political Science Association. Ed. by S.V. Patrushev, L.E. Filippova]. Moscow: Aspect Press. 2015. 360 p. (In Russ.)

Kulik A.N. Between the Power and Society: a Question of a Role of Public Intellectuals in Establishment of the Agenda in Modern Russia. – *Political Science*. 2015. No. 3. P. 71-90. (In Russ.)

Makarychev A.S. States, Expert Communities and Modes of Knowledge Power. – *Political Science*. 2015. No. 3. P. 9-26. (In Russ.)

Malinova O.Yu. Ob opyte vzaimodejstviya professional'nogo soobshchestva politologov s vlast'yu i grazhdanskimi organizaciyami [On the Experience of Interaction of Professional Community of Political Scientists with the Govenment and the Civil Oganizations]. – *Publichnaya politika – 2006.* Sbornik statej. Pod red. A.Yu. Sungurova [Public Policy – 2006. Collected articles. Ed. by A.Yu. Sungurov]. St. Petersburg: Norma. 2006. P. 42-54. (In Russ.)

Shutov A.Yu., Mironova D., Feofanov A.M. i dr. *Ocherki istorii politicheskoi nauki v Moskovskom universitete (1755-1835)*. Pod red. A.Yu. Shutova [Chronicles of Political Science in the Moscow University (1755-1835). Ed. by A.Yu. Shutov]. Moscow: Izd-vo MGU. 2009. 288 p.

Smorgunov L.G. Regional Political Science Communities in the Soviet period. – *Political Science*. 2015. No. 3. P. 125-137. (In Russ.)

Sungurov A.Yu. *Kak voznikayut politicheskie innovatsii: "fabriki mysli" i drugie instituty-mediatory* [How Political Innovations Emerge: Think Tanks and other Mediator Institutions]. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya. 2015. 384 p. (In Russ.)

Sungurov A.Yu. Ekspertnoe soobshchestvo i vlast': opyt Severnogo Kavkaza [Expert Community and the Government: Experience of the North Caucasus]. – *Rossijskij Kavkaz: problemy, poiski, resheniya: Nauchnoe izdanie*. Pod obshch. red. R.G. Abdulatipova, A.-N.Z. Dibirova [The Russian Caucasus: Problems, Search, Solutions. Ed. by R.G. Abdulatipov, A.-N.Z. Dibirov]. Moscow: Aspect Press. 2015. P. 141-147. (In Russ.)

Sungurov A.Yu. Expert Communities and Political Authority: Interaction Models, Main Functions and Conditions of their Realization. – *Political Science*. 2015. No. 3. P. 53-70. (In Russ.)

Sungurov A.Yu. Regional'nye organizacii RAPN [RPSA Regional Organizations]. – *Istoriya Rossijskoj associacii politicheskoj nauki* [History of the Russian Political Science Association]. Moscow: Aspect Press. 2015. P. 170-184. (In Russ.)

Vorobyov D.M. Development of Political Science Community in Post-Soviet Russia. – *Polis. Political Studies*. 2004. No. 6. P. 151-161. (In Russ.)

Vorobyov D.M. Political Science in the USSR: Formation and Development of a Scientific Community. – *Polis. Political Studies*. 2004. No. 4. P. 169-178. (In Russ.)